

Б. Х. Кармышева

**«КОЧЕВАЯ СТЕПЬ» МАВЕРАННАХРА
И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(по этнографическим данным) ***

Одним из самых существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и этнического развития Мавераннахра эпохи феодализма, было тесное взаимодействие оседлого населения оазисов с интенсивным поливным земледелием, развитыми ремеслами и торговлей и жителей так называемой кочевой степи. Это положение ныне можно считать общепризнанным в советской исторической науке. Исследования последних десятилетий опровергают представления о том, что «кочевая степь» — это лишь обширные степи и пустыни, расположенные вне Мавераннахра или на подступах к его оазисам, и что кочевники, вливавшиеся время от времени в состав населения Мавераннахра, довольно быстро оседали в оазисах и растворялись среди оседлых жителей. Данные исторических и этнографических источников, а также свидетельства путешественников, посещавших среднеазиатские ханства, показывают, что «кочевая степь» даже в XIX и начале XX в. находилась не только за пределами Мавераннахра: в самом Мавераннахре оазисы перемежались с обширными степными и полупустынными пространствами с полукочевым, а кое-где и кочевым населением. Так, О. Д. Чехович пишет, что одной из важнейших специфических черт истории Узбекистана XVIII в. «следует признать сосуществование здесь оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого населения, причем последнее находилось в процессе оседания и полuosедлости»¹. П. П. Иванов в труде, завершеном еще в 1941 г., привел ряд свидетельств о том, что в Бухарском ханстве вплоть до 60-х годов XIX в. кочевники-скотоводы составляли немногим менее половины населения². Необходимо, однако, подчеркнуть, что путешественники XIX в., чьи материалы использовались П. П. Ивановым, к кочевому населению причисляли и полукочевников, а также недавно осевшие группы, в быту которых еще длительное время ярко проступали следы кочевания. Так, например, в течение длительного времени после оседания основным видом жилища узбеков во многих местах оставалась юрта.

В XIX — начале XX в. в крупных оазисах Среднеазиатского междуречья усилился начавшийся много веков назад процесс оседания кочевников и полукочевников и слияния их с древним оседлым земледельческим населением. Однако в степных и полупустынных районах, включая

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на Всесоюзной тюркологической конференции 1976 г. в г. Алма-Ате. Название Мавераннахр употребляется здесь в его узком значении как собственно Среднеазиатское междуречье.

¹ О. Д. Чехович. К истории Узбекистана XVIII в. — «Труды Ин-та востоковедения АН УССР», в. III. Ташкент, 1954, с. 56.

² П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI—XIX вв.). М., 1958, с. 121.

предгорья и невысокие горы, в целом сохранялся присущий «кочевой степи» тип хозяйства — пастбищное и отгонно-пастбищное скотоводство (преимущественно овцеводство), в различных соотношениях сочетавшееся с экстенсивным земледелием и домашними промыслами, особенно женскими (изготовление шерстяных тканей и пошив из них различных предметов домашнего обихода, витье веревок и т. п.).

Относительная устойчивость этого типа хозяйства объяснялась, во-первых, отсутствием возможности «всем без исключения обосноваться на орошаемых землях, где единственно можно было заниматься устойчивым и доходным земледелием»³, во-вторых, традиционной взаимодополняемостью двух основных типов хозяйства Мавераннахра — оседлого орошаемого земледелия оазисов и пастбищного скотоводства степей. На последнее обстоятельство, чрезвычайно важное для понимания всей истории Среднеазиатского междуречья, исследователи не раз обращали внимание⁴. Вопрос о тесной связи оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого населения, о взаимной обусловленности их хозяйства анализируется в ряде работ В. С. Батракова⁵. Эта тема на конкретном этнографическом материале разрабатывалась и мною⁶. В. С. Батраков усматривал в «экономическом симбиозе» двух типов хозяйства проявление общественного разделения труда⁷. Как известно, «общее соотношение между оседлостью одной части... и продолжающимся кочевничеством другой части» народов Востока К. Маркс считал характерной чертой их истории⁸.

Взаимодополняемость двух типов хозяйства оказывала двоякое воздействие на этнические процессы: обуславливая этнические контакты, она стимулировала интеграционные, консолидационные и ассимиляционные процессы; обуславливая хозяйственную специализацию оседлых, полукочевых и кочевых групп — способствовала устойчивости у каждой из них хозяйственно-бытового уклада и традиций, являющихся одним из существенных этнических признаков народностей феодальной формации.

Как известно, сложный и длительный процесс оседания кочевников в Мавераннахре был вызван социально-экономическими, географическими и политическими факторами. Раскрытие значения каждого из них выходит за рамки моей статьи. Задача ее — дать общую характеристику сложных этнических процессов, протекавших в степных районах Среднеазиатского междуречья в XIX — начале XX в. и показать важность изучения этнических и хозяйственно-культурных связей жителей

³ В. С. Батраков. Особенности развития сельского хозяйства Бухарского ханства с половины XVIII до 70-х гг. XIX в. — «Труды Ташкентского гос. ун-та им. В. И. Ленина», в. 193, 1962, с. 166.

⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1. М., 1963, с. 239; С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — «Известия Гос. академии истории материальной культуры», в. 103. М. — Л., 1934, с. 195; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 26. М. — Л., 1952, с. 265; П. П. Иванов. Указ. раб., с. 181; О. Д. Чехович. Указ. раб., с. 56; Т. А. Жданко. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, с. 274—281, и др.

⁵ В. С. Батраков. Указ. раб.; его же. О разделении труда между кочевыми и оседлыми районами. — «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», в. XXV — «Экономические науки», кн. 1, Ташкент, 1955; его же. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. — «Труды Среднеазиатского гос. ун-та», в. LXII — «Гуманитарные науки», кн. 8 — «История», Ташкент, 1955; его же. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1958.

⁶ Б. Х. Кармышева. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией. — «Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья». М., 1979, с. 114—133.

⁷ В. С. Батраков. Отгонное животноводство и пастбищный вопрос в Ферганской долине. — «Труды Ин-та экономики АН УзССР», в. 1, Ташкент, 1947, с. 64.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 214.

внутренних степей как между собой, так и с оседлым населением для раскрытия механизма этих процессов⁹.

Этнический состав кочевого и полукочевого населения равнинных и низкогорных степей и полупустынь, расположенных в Мавераннахре чересполосно с оазисами, в XIX— начале XX в., как и в более ранний период, не был однородным — здесь жили узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи, киргизы и арабы.

Основное население степей издавна составляли полукочевые узбеки — потомки кочевых узбеков Даштикипчака, вобравшие в себя значительные группы коренных жителей Среднеазиатского междуречья. На севере, в Кызылкуме, жили казахи и расселившиеся среди них каракалпаки; на юге территория полукочевых узбеков переходила за Амударью, в Афганский Туркестан; на западе, на Средней Амударье, преобладали туркмены; на востоке, в Фергане и на подступах к ней, граница обитания полукочевых узбеков огибала горные хребты, поднимаясь в предгорья. Выше предгорьев, в непосредственном соседстве с горными таджиками и киргизами, жили «тюрки» — одна из этнографических групп узбеков, потомки кочевой части коренного тюркоязычного населения Мавераннахра¹⁰.

Туркмены за пределами долины Амударьи и каракалпаки, казахи, киргизы, арабы внутренних степей Среднеазиатского междуречья в конце XIX— начале XX в. были расселены в основном островками, а местами — дисперсно, среди сплошного узбекского населения. Поэтому все они находились на той или иной стадии слияния с узбеками, которые выступали здесь в роли ассимилятора. На окраинах Мавераннахра эта роль переходила: на западе — к туркменам, на севере — к казахам, на востоке — к киргизам и таджикам. Наряду с ассимиляционным процессом происходило и освоение отдельными этническими группами традиций соседей при устойчивом сохранении этнического самосознания.

Перейду к конкретным данным.

В конце XIX — начале XX в. основным районом расселения туркмен в Среднеазиатском междуречье была узкая полоса оазиса, протянувшаяся по обоим берегам Амударьи в ее среднем течении. Туркмены вели комплексное хозяйство, в котором сочетались орошаемое земледелие (в оазисах) с отгонно-пастбищным скотоводством (в пустыне). Этим группам туркмен был свойствен оседлый и полuosедлый образ жизни. Со времени поселения в XVIII в. на Средней Амударье они постепенно ассимилировали часть жившего здесь тюрко- и ираноязычного коренного населения и одновременно сами подверглись в той или иной степени воздействию культуры и быта последнего¹¹. Своенравие Амударьи, уносящей ежегодно сотни гектаров культурных земель, трудности проведения новых каналов и забора воды из нее, а также неблагоприятные социальные условия вынуждали приамударьинских туркмен искать новые места для поселения. Часть их после прекращения феодальных войн вследствие присоединения Средней Азии к России расселилась вверх по Амударье вплоть до Вахшской долины¹². Продолжая традиционные занятия

⁹ В данной работе автор опирается на публикации этнографов, проводивших полевые исследования в Среднеазиатском междуречье, а также на материалы собственных экспедиционных поездок 1945—1978 гг., охвативших значительную часть территории Таджикистана, Узбекистана, Туркмении (Чарджоуская обл.) и некоторые районы Ошской области Киргизии.

¹⁰ Б. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрок» в составе узбеков. — «Сов. этнография», 1960, № 1.

¹¹ Д. Р. Винников. Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. — «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VI, сер. этнографическая, Ашхабад, 1962, с. 17, 18, 21, 28, 38 и др.

¹² Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным), М., 1976, с. 117, 118, 256, 257.

и не порывая связи с родными местами, эти туркмены к началу XX в. сохраняли национальное самосознание и многие особенности своей культуры. Другая часть приамударьинских туркмен издавна, видимо, начала расселяться в низовьях Кашкадарьи и Зеравшана среди узбеков, таджиков и арабов¹³. Эта группа, тоже поддерживавшая тесные связи с соплеменниками, оставшимися на родине, сохранила национальное самосознание и особенности своей культуры. Оказывая заметное воздействие на окружающее местное население, она и сама испытала влияние культуры соседей¹⁴. Эти процессы, несомненно, были продолжением традиционных этнических и культурно-экономических взаимосвязей населения приамударьинских районов, низовьев Кашкадарьи и Каракульского оазиса. Часть туркмен — выходцев из Хорезма — переселилась в Каракульский оазис и подверглась здесь сильному культурному воздействию узбеков¹⁵.

Кроме того, отдельные группы приамударьинских туркмен и отчасти туркмен Хорезма и других районов¹⁶ двигались вверх по Зеравшану и далее на восток, вплоть до Ура-Тюбе¹⁷. Большинство их обосновалось в Бухарском и особенно в Самаркандском оазисах в середине XIX в., в период восстановления в последнем ирригационной сети, разрушенной в первой четверти XVIII в.¹⁸, но были и группы, появившиеся здесь ранее. В зависимости от конкретных условий все они находились на той или иной стадии слияния с местным населением. Так, в 1924 г. в Бухарском и Кермининском уездах было зарегистрировано более 400 чел., назвавших себя узбеками, однако племенная принадлежность свидетельствовала об их туркменском происхождении¹⁹. Небольшая группа выходцев со Средней Амударьи, помнившая о принадлежности своих предков к туркменскому племени салор, но называвшая себя узбеками, отмечена вблизи Самарканда. Соседи также считали этих людей узбеками²⁰. Такие группы были малочисленны, занимались орошаемым земледелием и по культуре ничем не отличались от окружающего населения. Туркмены (эрсари и чандыр) нескольких кишлаков, расположенных в низовьях канала Даргом в Самаркандской области, напротив, сохранили свое национальное самосознание, язык (хотя он и подвергся сильному узбекскому влиянию) и некоторые черты материальной и духовной культуры. Объяснялось это тем, что они, оседая относительно компактными группами, сумели провести в степь каналы из хвостовой части Даргома. Это позволило им вести привычное комплексное хозяйство, сочетая орошаемое земледелие с пастбищным скотоводством, и сохранить преж-

¹³ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I — «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I — «Бухара». Ташкент, 1926, с. 272, 273; Н. Г. Борозна. Некоторые черты культуры населения Каракульского оазиса в связи с его этническим составом. — «Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г.», в. 1, М., 1972, с. 18—26.

¹⁴ Полевые материалы автора 1954 г.

¹⁵ Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской области Туркменской ССР и в Бухарской области Узбекской ССР. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», в. XXVI, 1957, с. 130, 131.

¹⁶ В. Г. Мошкова. Туркмены Самаркандской и Бухарской областей. — «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 4, с. 16, 17; *её же*. Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. — «Материалы по археологии и этнографии Узбекистана» («Груды Ин-та истории и археологии», т. II). Ташкент, 1950, с. 135—141.

¹⁷ Н. О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. (Историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976, с. 141, 142; Полевые материалы автора 1971 г.

¹⁸ «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, с. 25, 28—30.

¹⁹ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. 1, с. 270. И. П. Магидович, автор главы о населении в данном издании, отнес к племенам туркменского происхождения и группу саят, однако полевые исследования, проведенные мною на месте, дают основание предполагать узбекское ее происхождение.

²⁰ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», с. 28, 29.

ний уклад жизни. Связи с соплеменниками, оставшимися на берегах Амударьи (эрсари) или разбросанными по долине Зеравшана и прилегающим районам (чандыры), не прерывались. Однако верх брало воздействие повседневных хозяйственно-бытовых связей с соседями—даже наиболее крупные группы туркмен Зеравшанской долины к началу XX в. были уже двуязычны. В быту их также достаточно явно проступают черты узбекского влияния²¹.

Результатом длительного процесса «растворения» туркмен в узбекской среде является узбекское «племя» туркман, за которым в историко-этнографической литературе закрепилось наименование «нуратинские туркмены». В начале XX в. оно обитало преимущественно на территории нынешнего Нуратинского и соседних с ним районов²².

Исследования Л. С. Толстовой среди каракалпаков, расселившихся в XVIII в. в Ферганской и Зеравшанской долинах и на юге пустыни Кызылкум, также выявили различную степень сближения их с окружающими народами к началу XX в.²³ Каракалпаки Кызылкума, территориально наиболее близкие к Хорезмскому оазису, не прерывали экономических и культурных связей с основной массой своего народа, поэтому в большей мере, чем другие группы каракалпаков, сохраняли национальное самосознание и некоторые особенности своей культуры. Однако, живя смешанно с казахами, ведя одинаковое с ними хозяйство, каракалпаки воспринимали многие черты их культуры и быта²⁴.

Небольшая группа каракалпаков обосновалась на канале Кенимех среди узбекского населения. Она, естественно, испытала большое влияние со стороны узбеков, но не утратила при этом своего национального самосознания²⁵.

Каракалпаки Ферганской долины, тоже долгое время жившие среди узбеков, восприняли многие черты их материальной культуры и семейного быта. Все же благодаря значительной численности каракалпаков и благоприятным условиям для сохранения их традиционных занятий — комплексного ведения скотоводства, земледелия, рыболовства и ряда характерных для них подсобных промыслов — они сохраняли полностью национальное самосознание и особенности культуры²⁶.

Каракалпаки Самаркандского оазиса еще в дореволюционный период осознавали себя узбекским племенем²⁷. Одним из родов узбекского племени конграт считала себя и группа каракалпаков, попавшая, видимо также в XVIII в. (возможно, и значительно раньше), в Гузар-Байсунские степи²⁸.

Каракалпаки Ташкентского оазиса и Южного Казахстана «были в еще большей степени, чем самаркандские, ассимилированы узбеками и казахами, утратили основные особенности своей культуры и стали осознавать себя как узбекский род каракалпак или „каракалпак-казак (казак-каракалпак)“»²⁹.

Казахов в конце XIX — начале XX в. во внутренних степях Среднеазиатского междуречья было относительно немного. Отдельные группы их, перешедшие на оседлость и занимавшиеся не столько скотоводством,

²¹ «Этнографические очерки узбекского сельского населения», с. 25; Полевые материалы автора 1960 и 1967 гг.

²² В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в рода-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, с. 141—158; Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, с. 228—231.

²³ Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX в. Нукус — Ташкент, 1963.

²⁴ Там же, с. 210, 211.

²⁵ Там же, с. 211.

²⁶ Там же, с. 211—213.

²⁷ Там же, с. 213, 215.

²⁸ Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, с. 213, 214; Полевые материалы автора, 1978 г.

²⁹ Л. С. Толстова. Указ. раб., с. 215.

сколько земледелием и характерными для малоимущих казахов промыслами, жили в Дальварзинской степи³⁰, в Самаркандском³¹, Кермининском и Каршинском³² оазисах. Часть казахов кочевала в степи Уртачуль, расположенной между Бухарским и Каршинским оазисами³³. Значительная группа казахов, занимавшаяся скотоводством и извозом, поселилась в 70-х годах прошлого столетия в Курган-Тюбинском бекстве Бухарского ханства³⁴.

Малочисленность казахов во внутренних степях Среднеазиатского междуречья в начале XX в. объясняется, на мой взгляд, не тем, что они там не селились. Как известно, часть казахов в силу различных политических причин и социальных факторов переселялась в Мавераннахр, особенно в Зеравшанскую долину, с населением которой у казахов были тесные экономические связи. Однако, встретив здесь генетически близкие им группы узбеков даштикипчацкого происхождения, казахи довольно быстро растворялись в их среде, к тому же родственной им по языку и сходной по хозяйственно-бытовым традициям. Не случайно название «казак» часто фигурирует в узбекских генеалогиях. Об ассимиляции казахов узбеками свидетельствуют и предания узбеков, записанные мною во время полевых исследований.

Значительное число казахов обитало на северных окраинах Среднеазиатского междуречья³⁵. Казахи Голодной степи (Мирзачуль) и прилегающей к ней и к Нуратинским горам юго-восточной окраины пустыни Кызылкум хотя и сохраняли в полной мере свое национальное самосознание, особенности культуры и свойственный им тип хозяйства³⁶, все же не избежали влияния населения оазисов. Длительное и тесное общение с узбеками и таджиками Самаркандского оазиса, Нуратинского района, Джизака и его окрестностей не могло не сказаться на культурно-бытовом облике казахов этих мест. Недаром их, как свидетельствуют материалы полевых исследований, казахи северной окраины Кызылкума (современной Кызылординской области) называли узбеками. Вместе с тем и казахи оказали ощутимое влияние на культуру и быт своих соседей — узбеков и таджиков³⁷. Отдельные лица, семьи, а порой и группы родственных семей казахов, оседая, смешивались с узбеками и таджиками³⁸.

Что касается казахов центрального Кызылкума³⁹, то, по данным таш-

³⁰ «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской Республике», ч. 1 — «Поселенные итоги», в. V — «Поселенные итоги Самаркандской области». Ташкент, 1924, с. 49.

³¹ Полевые материалы автора 1966 г.

³² «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. 1, с. 246, 247; Полевые материалы автора 1978 г.

³³ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. 1, с. 247.

³⁴ Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, с. 118, 257.

³⁵ В 1917 г. казахов насчитывалось: в Ташкентском уезде 156 879 чел., Джизакском — 29 069, Ходжентском — 10 318 (И. И. Зарубин. Список народностей Туркестанского края. — «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран», в. 9, Л., 1925, с. 11).

³⁶ «Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области». Ташкент, 1914, с. 17—54.

³⁷ Б. Х. Кармышева, Е. М. Пещерева. Материалы этнографического исследования таджиков Нуратинского хребта. — «Сов. этнография», 1964, № 1, с. 14, 21.

³⁸ Б. Х. Кармышева. Новые материалы по этнографии населения Нуратинского хребта. — «Полевые исследования Института этнографии. 1976». М., 1978, с. 148, 149; Полевые материалы автора 1959 и 1976 гг.

³⁹ По данным 1924 г. (первым более или менее достоверным), кызылкумских казахов насчитывалось 19 065 чел. («Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. 1, с. 243). Видимо недалек был от истины А. П. Хорошхин, когда в 1872 г. примерную численность казахов Кызылкума определил в «3000 кибиток, что составит население в 15 000 душ обоего пола» (А. П. Хорошхин. Сборник статей касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, с. 469).

кентских диалектологов и фольклористов, их культура значительно меньше подвергалась воздействию соседей⁴⁰. Можно думать, что еще в начале XX в. ей была присуща яркая самобытность, чему бесспорно способствовало сохранение традиционных форм ведения хозяйства. Казахи этой группы продолжали заниматься преимущественно разведением мелкого рогатого скота и верблюдов и характерными для кочевников Средней Азии подсобными промыслами — караванным извозом, заготовкой топлива в пустыне (в частности, выжиганием угля из саксаула) и продажей его в городах⁴¹. Кроме того, в оазисах они продавали шерсть, пережженный гипс, охру, арканы и т. п.⁴² Вместе с тем специфика их хозяйства — скотоводство товарного направления⁴³ и указанные выше промыслы, а также необходимость приобретения недостающих продуктов (прежде всего зерна и тканей) теснейшим образом связывали кызылкумских казахов с городскими рынками, главным образом с базарами Хивинского и Бухарского ханств⁴⁴. А это значит, что отдельные элементы и явления культуры оседлого населения (ремесленные изделия и продукты земледелия, их терминология, весь круг связанных с ними представлений) постепенно просачивались в среду степняков и осваивались ими, порой значительно трансформируясь. Это отмечал и А. П. Хорошкин: «Наружность, домашний быт, одежда, религия, нравы, обычаи и язык кызылкумских киргизов (казахов.— *Б. К.*), — писал он, — совершенно сходны с общими киргизскими, кроме разве некоторых особенностей одежды, как, например, киргизы, ближайшие к хивинской границе, носят высокие туркменские шапки, а соседи сартовских городов (городов Бухарского ханства.— *Б. К.*) надевают чалмы». Он особо подчеркивал, что «люди богатые, которых довольно между кызылкумскими киргизами, обставляют себя на городской лад: носят чалмы и бухарские халаты, едят и пьют из городской глиняной или медной посуды, ездят на сартовских седлах и вообще во всем выделяются из толпы»⁴⁵.

Для Ташкентского оазиса и районов, прилегающих к нему с севера и запада, были характерны как тесные хозяйственно-культурные и этнические взаимосвязи казахско-узбекского населения, так и оседание кочевой части последнего и слияние его с искони оседлым таджикским населением⁴⁶. Процесс этот был длительным и сложным, что может быть проиллюстрировано на примере узбеков-курама, которые, по-видимому, сформировались «в результате смешения древних аборигенов Ангренской долины со многими частями племен и родов, входивших в состав узбекского, казахского, возможно, и киргизского народов»⁴⁷.

Киргизы в начале XX в. во внутренних степях Среднеазиатского междуречья жили в основном в трех местах: Фергане⁴⁸, северо-западных отрогах Туркестанского хребта⁴⁹ и Самаркандском оазисе. В Фергане, как известно, происходило тесное взаимодействие киргизов с узбеками и таджиками (не говоря о малочисленных народах). Результаты этих про-

⁴⁰ См., напр., *К. Саттаров*. Бұхара қазақтарының қазіргі фольклоры мен этнографиясына шолу.—«Известия АН КазССР. Серия филологическая», 1976, № 2 (10), с. 36—38. К сожалению, собственных полевых материалов по казахам Бухарской области у меня нет.

⁴¹ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. 1, с. 243—245.

⁴² *А. П. Хорошкин*. Указ. раб., с. 469.

⁴³ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. 1, с. 243—245.

⁴⁴ *А. П. Хорошкин*. Указ. раб., с. 469.

⁴⁵ Там же, с. 470.

⁴⁶ *П. Е. Кузнецов*. О таджиках Ташкентского уезда.—«Известия Туркестанского отделения РГО», т. I, в. 2, Ташкент, 1900, с. 31—51.

⁴⁷ *Т. Файзиев*. Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1963, с. 10.

⁴⁸ *Я. Р. Винников*. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине.—«Среднеазиатский этнографический сборник», II («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLVII). М., 1959, с. 382—409.

⁴⁹ «Материалы Всероссийских переписей 1920 года», ч. 1, в. V, с. 37.

пессов в каждом отдельном историко-культурном районе определялись рядом факторов⁵⁰. Среди последних немаловажное значение имели численное соотношение народов, преобладающее направление хозяйства, которым определялись экономические контакты. В равнинной и предгорной частях Ферганы доминировал процесс сближения и слияния киргизов и таджиков с узбеками, а в горах, наоборот, роль ассимилятора переходила к киргизам, а местами и к таджикам.

В северо-западных отрогах Туркестанского хребта, в верховьях Санзара и Зааминсу, киргизы жили среди узбеков даштикипчацкого происхождения и небольшого числа таджиков. Киргизы эти в значительной степени смешивались с местным населением, но все же сохраняли национальное самосознание и некоторые черты своей традиционной культуры⁵¹.

Вероятно, с киргизами были связаны по своему происхождению 5600 оседлых узбеков племени кыргыз, зафиксированных в 1924 г. в Бухарском, Кермининском и Шахриябзском оазисах⁵². Узбеки-кыргыз встречены мной и в Самаркандском оазисе, на Мианкале. Согласно преданию, они были потомками киргизов верховьев Санзара, поступивших на службу к эмиру Музаффару и расселенных им в долине Зеравшана⁵³. Если это предание соответствует действительности, то столь быстрая ассимиляция объясняется, видимо, их оседанием в орошаемой зоне. Немаловажное значение имело, несомненно, и то, что эта группа киргизов еще до переселения в Зеравшанскую долину подверглась значительному узбекскому влиянию.

Среднеазиатские арабы⁵⁴, составлявшие довольно заметную группу кочевого, полукочевого и отчасти оседлого населения (в том числе и горожан) Среднеазиатского междуречья, жили островками почти на всей его территории. Группы, обитавшие в Зеравшанской долине и в низовьях Кашкадарьи, занимались овцеводством (в частности каракулеводством) обычно в сочетании с орошаемым земледелием. Подавляющее большинство арабов к началу XX в. утратило свой язык, усвоив таджикский или узбекский. Только в низовьях Кашкадарьи и вблизи Бухары они были дву- и трехязычны, владея помимо арабского таджикским и узбекским языками или одним из них. Несмотря на смену языка, арабы, заключая браки преимущественно внутри своей народности, устойчиво сохраняли свое национальное самосознание и некоторые обычаи и обряды, а также отдельные элементы материальной культуры. Однако это характерно только для компактно расселенных групп. Малочисленные же группы арабов к началу XX в. растворились среди узбеков и таджиков, оставив след лишь в топонимии или в преданиях.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что во внутренних степях Среднеазиатского междуречья, где помимо равнин есть и холмистые степи и невысокие горы, повсеместно встречались небольшие оазисы с поливным земледелием. Они орошались ручейками и речками, нередко пересыхающими летом, селевыми и паводковыми водами, родниками и кяризами. Цепочки крошечных оазисов тянулись вдоль таких невысоких хребтов,

⁵⁰ О факторах, определяющих направление этнических процессов, см.: В. И. Козлов. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969, с. 272—285; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 160—176.

⁵¹ Полевые материалы автора 1960 г.

⁵² «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. 1, с. 214.

⁵³ Полевые материалы автора 1960 г.

⁵⁴ См. написанный автором раздел «Среднеазиатские арабы» в кн. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1963, с. 582—596; Я. Р. Винников. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, с. 390, 402—404; Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана, с. 111—113, 249—253.

как Нурагинский, Маргузарский, Каратепинский, Кугитангский и др. В этих оазисах обитало как древнее оседлое население — узбеки и таджики (последние обычно были двуязычны), так и осевшие и оседающие узбеки даштикипчацкого происхождения. Здесь не только кочевники при оседании воспринимали культуру оседлого населения, но и последнее находилось под сильным воздействием культуры кочевников. Одним из основных факторов, стимулировавших процессы взаимного усвоения культур, были смешанные браки. Изучение этнических процессов, происходивших в небольших оазисах, помогает выявить механизм формирования тюркоязычного оседлого населения оазисов Мавераннахра. Так, например, нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, что сарты — это тюркизированные иранцы. Сарты сложились в результате взаимодействия тюркских и иранских групп, а не чьего-либо одностороннего влияния.

Этнокультурное взаимопроникновение являлось следствием повседневных традиционных торгово-хозяйственных связей, отнюдь не сводившихся только к купле-продаже. Преобладали такие формы связей, которые влекли за собой живое общение людей: это были и получение недостающих продуктов и изделий путем обмена, и передача скотоводом земледельцу во временное пользование рабочего скота или перевозка урожая с полей в селения и получение за это зерна и соломы, и хранение оседлым жителем лишнего скарба откочевавшего на летовку кочевника, который наделял его за это шерстью, продуктами или оказывал в свою очередь какую-либо помощь, и многие другие взаимные услуги. Одной из широко развитых форм связей был институт «торгового друга», кстати экономические связи «приятелей» порой, в результате браков, перерастали в родственные. Во всех городах можно было встретить немало бывших кочевников, обосновавшихся там и нередко женившихся на горожанках, причем их родственные связи со степью не прерывались. Случалось, что в неразделенной зажиточной семье один из братьев жил в степи и разводил скот, а другой, обосновавшийся в городе, торговал скотом, шерстью, кошмами, паласами и другими изделиями, получаемыми от родственников, держал мясную лавку и т. д.

Все сказанное свидетельствует о том, что не только в оазисах, но и в степных районах Мавераннахра протекали исключительно сложные этнокультурные процессы, обусловленные тесным взаимодействием многих народов обширной казахстанско-среднеазиатской историко-культурной провинции. Следовательно, общесреднеазиатско-казахстанский колорит культуры объясняется длительной преемственностью традиций как оседлых, так и кочевых народов региона. Этнокультурным контактам способствовала и патриархальность некоторых черт быта, в частности общественный характер семейных праздников, на которые нередко приглашалось разнонациональное население обширной округи. Эти торжества сопровождались спортивными состязаниями, выступлениями певцов, музыкантов, сказителей. Такие же увеселения устраивались и во время народных гуляний, происходивших один или несколько раз в году в отдельных городах или селениях, где были базары, а также при некоторых святыщах. Победители спортивных состязаний, выдающиеся певцы, сказители и др., независимо от их этнической принадлежности становились популярными среди всех народностей данной местности.

Изучение конкретных проявлений хозяйственно-бытовых, культурных и этнических взаимосвязей населения отдельных историко-культурных районов и областей даст возможность полнее воссоздать во всей его сложности процесс этногенеза и этническую историю народов Средней Азии и Казахстана, а также историю формирования их культуры. Анализ живых конкретных фактов позволит решить многие пока еще малоизученные или вовсе не изученные вопросы истории культуры. Например, чем объяснить обилие иранизмов в казахской хозяйственно-бытовой и

обрядовой терминологии? ⁵⁵ Почему свадебные обряды горных таджиков имеют больше сходства с аналогичными обрядами и лексикой полукочевых в прошлом узбеков, нежели равнинных таджиков? Все это не мелочи — из совокупности таких черт и складывается народная культура. Решение подобных вопросов может дать исследователю ту путеводную нить, которая позволит ему не заблудиться в лабиринтах проблем этногенеза и этнической истории.

THE NOMADIC STEPPE OF THE MAVERANNAHR AND ITS POPULATION IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY (ACCORDING TO ETHNOGRAPHIC DATA)

One of the important factors that determined the whole course of economic, political, cultural and ethnic development of the Asiatic interfluvial area (the *Maverannahr*) in the feudal period was the close interaction between the sedentary agricultural population of the oases and the nomadic pastoral population of the steppes and deserts. The «nomadic steppe» had its place not only beyond the limits of the *Maverannahr* but also within its boundaries where it alternates with oases. Early in the 20th century the «nomadic steppe», in spite of the intensive process of sedenterization of its population in the outlying parts of the oases, still preserved, to a certain extent, the traditional form of its economic and domestic structure. This was due to the lack of irrigated lands for settlement and to the traditional mutually complementary character of the main types of economy named above.

The close economic and cultural contacts between the ethnically heterogeneous population groups in the inner steppes of the *Maverannahr* both among themselves and with the population of the oases led to the predominance here of integrational and assimilational processes.

⁵⁵ Известный советский тюрколог Э. Н. Наджип в рецензии на фразеологический словарь казахского языка, составленный И. Кенесбаевым, высказал гипотезу (подкрепив ее вескими доказательствами), что в казахский язык арабские и персидские слова и словосочетания проникли «не столько из языков соседних народов, сколько из письменной средневековой литературы, широко распространенной в тот период среди казахов» (Э. Наджип. *И. Кенесбаев. Казак тілінің фразеологиялық сөздігі*. Алматы, 1977. — «Советская тюркология», 1979, № 2, с. 81). Думается, что это справедливо в отношении преимущественно обрядовой терминологии. Что же касается хозяйственной и значительной части бытовой терминологии, то арабизмы и фарсизмы вошли в нее главным образом в процессе непосредственных хозяйственных и торговых контактов.